

гической удовлетворенности мигрантов в новом социокультурном контексте, что в свою очередь выступает важнейшим условием вхождения личности в новую социокультурную среду и одновременно показателем успешности/неуспешности их социально-психологической адаптации.

Примечания

- ¹ Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999.
- ² Tajfel H. Social Identity and intergroup relations. Cambridge; P., 1982.
- ³ Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза, 2003. С. 13.

- ⁴ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- ⁵ Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. 1933. №28. P.280–290.
- ⁶ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998.
- ⁷ Сикевиц З.В. Расколотое сознание: Этносоциологические очерки. СПб., 1996.
- ⁸ Общая психодиагностика / Под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. М., 1987.
- ⁹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- ¹⁰ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

УДК 159.947.23

ТРАДИЦИИ НАУЧНОГО ОСОЗНАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА, ФЕНОМЕНА И НОУМЕНА

Т.Д. Калистратова, П.Ю.Калистратов

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: casusbelli05@mail.ru

Попытка дать научное определение понятию «ответственность» сопряжена с определёнными трудностями. Известно, что это понятие используется в разных науках: психологии, социологии, культурологии и др. При этом охватываемая им предметная область каждый раз меняется. Более того, в рамках различных психологических научных направлений по-разному очерчен объём этого понятия, установлено его содержание и структура.

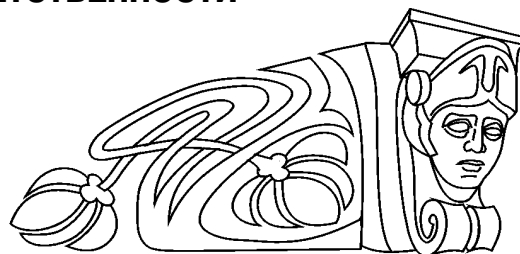
Tradition of Scientific Perception of Responsibility as a Psychological Construct, Phenomenon and Noumenon

T.D. Kalistratova, P.U. Kalistratov

Any attempt to give a scientific definition to the concept of responsibility entails certain difficulties. This concept is known to be used in different sciences (psychology, sociology, culturological theory etc.), the subject domain enveloped by it varying every time. Within the framework of various psychological leads the volume of this concept is outlined differently, its content and structure are established.

Понятие «ответственность» прочно вошло в категориальный аппарат психологической науки. Интерес к нему вполне закономерен, так как оно позволяет понять и описать широкий спектр индивидуальных особенностей поведения и проявлений личности и как нельзя лучше подходит для научного осознания целого ряда масштабных социально-психологических явлений.

Данное понятие представляется весьма важным как для обсуждения теоретических проблем психологического, социологического, философского,

кого, культурологического, юридического планов, так и для решения широкого круга прикладных, прежде всего, психологических задач, включая психодиагностические, консультационные, психотерапевтические и коррекционно-развивающие.

Широта креативного пространства при работе с понятием «ответственность» обусловлена, прежде всего, богатством его содержания и множественностью направлений использования этого понятия, исторически сложившихся в науке.

Традиции научного осознания ответственности как психологического конструкта, феномена и ноумена заложены Г. Ле Боном, Э. Дюркгеймом, И. Кантом, Ф. Ницше, Ж. Пиаже, Ж.-П. Сартром, В. Франклом, Х. Хекхаузенем и в разное время были продолжены Б.Г. Ананьевым, К.А. Абульхановой-Славской, Л. Берковицем, Д.Дж. Вогелем, Р.М. Галтоном, А.И. Голубевой, Н. Гоу, Л.И. Деметий, Р.Т.Де Джорджем, Т.Ф. Ивановой, П. Козловски, Л. Колбергом, Г.Б. Кошарной, А.Б. Купрейченко, А.С. Макаренко, Ф.Г. Майлёновой, К. Марксом, В.Н. Марковым, К. Муздыбаевым, Р.С. Немовым, А.И. Ореховским, А.В. Ремизовой, Ю.В. Синягиным, Л.С. Славиной, Г.В. Фартуховой, Ф. Хайдером, С. Шварцем и некоторыми другими исследователями.

Вместе с тем следует признать, что само понятие «ответственность» имеет в психологии размытый категориальный статус. Ответственность рассматривается как необходимая составляющая добродетельной жизни (Э. Дюркгейм); ресурс совладания с жизненными трудностями,

универсальный копинг-ресурс (К. Муздыбаев); как форма добровольного принятия необходимости (К.А. Абульханова-Славская); условие социального поведения; как способ жизни, многомерное психическое явление (Л.И. Дементий); как форма саморегуляции (А.В. Петровский); как субъективная личностная характеристика; субъективная форма активности; как личностный механизм разрешения трудностей; контроль над деятельностью субъекта с позиций выполнения им принятых норм и правил (в практической психологии); как право и обязанность отвечать за свои поступки и действия, взятые на себя обязательства (в бизнесе); как возлагаемое или взятое обязательство отчитываться в своих действиях и принять на себя вину за возможные последствия; волевое качество, связанное с морально-ценностной ориентацией личности (Т.Ф. Иванова, А.И. Голубева, Л.С. Славина, Р.С. Немов).

Логическое разрешение сложившейся ситуации предполагает, на наш взгляд, осуществление компаративного анализа данного понятия, проведённого в историческом и научно-психологическом контекстах. Обращение к разнообразию авторских позиций и содержанию теорий, оперирующих этим понятием, позволит учесть специфику каждого из существующих подходов, оценить его перспективы, обнаружить и идентифицировать особенности проявления психологической ответственности и типологизировать существующие исследовательские модели.

В качестве теоретического понятия термин «ответственность» сегодня фигурирует во множестве текстов – определений и теорий, предложенных в разное время. Компаративный анализ этих текстов показывает, что они создавались для решения широкого круга задач, на основе различных общетеоретических и методологических предпосылок, с использованием различных методов, а полученные результаты изложены в различных системах понятий.

При сложившихся обстоятельствах, в отсутствии у научного сообщества единого определения и завершённой концепции ответственности мы считаем корректным говорить об эволюции представлений различных субъектов познания: как отдельных учёных, так и научных школ и направлений в этой области (психоанализ, экзистенциальная психология и экзистенциальный анализ, индивидуальная психология, гуманистическая психология и др.).

Обращение к психоанализу З. Фрейда, в частности, осмысление его работ «По ту сторону принципа удовольствия», «Торможение, симптом и страх» позволяет осознать ситуацию, при которой часть внешнего мира переходит внутрь путём идентификации, встраивается в Я и становится полноценной частью внутреннего мира. Следуя логике Фрейда, мы получаем непосредственный доступ к интересующему нас феноменологическому пространству. «Этот новый психологический

агент, – пишет автор, – продолжает осуществлять функции, которые были возложены на человека из внешнего мира: наблюдение за Я, дача указаний, оценка его действий и угроза наказанием – точно как родители, чью роль он частично берёт на себя. Мы назвали своего агента Сверх-Я и определили его основную функцию в нашей психике как совесть». И, далее, как подтверждение того, что именно здесь нас ожидает ответ на интересующий вопрос: «... безусловно, у некоторых философов и верующих возникнут подозрения в том, насколько такая позиция отражает истинное положение вещей, и они начнут отстаивать свою точку зрения, согласно которой моральные принципы вкладываются в людей не в процессе обучения или жизни в социуме, а под воздействием высших сил»¹.

В феноменологическом пространстве индивидуальной психологии А. Адлера личность представлена как динамическая целостность, стремящаяся к достижению единой цели. Будучи ориентированной на цель, личность включает в себя множество взаимодействующих образований, служащих для достижения фундаментальной цели или жизненного стиля, то есть фундаментального жизненного плана, который и координирует между собой всевозможные функции личности.

В работах «Постижение человеческой природы» и «Превосходство и социальный интерес» Адлер пишет о том, что присущая человеку свобода выбора и принятия решений обуславливает конфликт, пугающий невротическую личность. Именно этот страх вызывает у невротика нерешительность, которая становится основным приёмом, позволяющим выиграть время. Эгоистический интерес пациента и его склонность избегать ответственности должны в результате терапии уступить место жизни, наполненной общественно-полезной деятельностью. В связи с обсуждаемым вопросом вполне уместно вспомнить некоторые базовые принципы практики индивидуальной психологии. В частности, положение, в соответствии с которым большая социальная группа частично или полностью исключается из жизни пациента под действием механизма, который обусловлен повышенной чувствительностью и нетерпимостью. Именно это предоставляет возможность избежать ответственности, отгородиться от требований общества и решения жизненных задач и уклониться от их принятия и исполнения.

Внутреннее сопротивление чувству ответственности имеет бунтарскую природу, а материалом для него служат подходящие эмоциональные переживания или наблюдения. Они позволяют мыслям и аффектам сосредоточиться либо на вышеупомянутых тревожениях, либо на незначительных деталях при условии, что они способны отвлечь пациента и переключить его внимание с жизненных проблем. Таким образом, попав в зависимость от требований ситуации, человек провоцирует у себя появление тревожности, на-

вязчивых состояний, бессонницы и обмороков, извращений, галлюцинаций и лёгких патологических аффектов. Все эти проявления он использует в качестве оправдания своего сопротивления.

Таковыми же требованиями, которые выдвигает общество и от которых невротик уклоняется, являются кооперация, дружба, любовь, социальная адаптация и общественные обязательства. Оторванный от реальности невротик живёт в воображаемом мире, наполненном собственными фантазиями. Он использует различные способы уклонения от выполнения социальных требований, чтобы обеспечить себе идеальное положение, освободившись от обязанности приносить какую-либо пользу обществу и от любого вида ответственности.

Известно, что гуманистическая психология разрабатывает теорию личности как психодинамическую, интеракционистическую, неэкспериментальную, структурно-динамическую. Основное внимание психолога при этом сосредоточено на описании, строении и развитии внутреннего опыта человека в том виде, в каком он представляется важным самому человеку.

Напомним, что наиболее известные представители этого подхода – Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мей, Ф. Перлз, Д. Рисмен – сосредоточены прежде всего на том, как человек воспринимает, понимает и объясняет реальные события своей жизни. Они предпочитают описывать феноменологию личности. Описания самой личности и событий её жизни даются в терминах «смысл жизни», «ценности», «жизненные цели» и т.п.

Некоторые принципиальные положения, отражающие гуманистический подход к пониманию личности, выявляют наиболее значимые внешние и внутренние отношения личности, определяющие её самоактуализацию. Во-первых, личность понимается с точки зрения её уникальности и целостности. Во-вторых, личность определяется как открытая система. В-третьих, гуманистический подход связан с пониманием личности как активной системы. В-четвёртых, динамический аспект теории личности А. Маслоу основан на том, что в человеке существует два вида взаимодействующих сил. Один вид заключается в страхе относительно безопасности и защиты, он связан с регрессией и привязан к прошлому, человеку страшно рискнуть и потерять то, чем он уже обладает. Другой вид сил стремится к целостности, к исключительности личности, к полному функционированию всех сил, к доверию перед лицом внешнего мира.

Эти положения создают добротный научный контекст и выделяют широкое креативное пространство для любого заинтересованного исследователя, разделяющего идеи гуманистической психологии.

Экзистенциальная психология, ассоциируемая прежде всего с работами Ж.П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса, М. Босса, Ф. Ницше, М. Хай-

дегера, Л. Бинсвангера, Ш. Бюллер, Э. Фромма, и экзистенциальный анализ В. Франкла, как известно, отрицают, что за феноменами стоит нечто, что их объединяет или служит причиной их существования. «Феномены есть то, что они есть во всей непосредственности; они не фасад или дериваты чего-то ещё. Дело психологии – возможно более тщательное описание феноменов»².

Подобный подход к описанию феномена ответственности мы находим у Ф. Ницше. Он был последовательно реализован автором в рамках генеалогии, правилами которой являются, как известно, недоверие к логике, отказ от любых а priori, признание роли фикции в выработке понятий и некоторые другие. Ницше настойчиво пытался реализовать все эти требования в процессе рассматривания фундаментальных проблем (к коим он причислял и проблему ответственности), охватывающих духовную проблематику европейской истории. Его генеалогия состоит из трех компонентов, каждый из которых представляет для нас безусловный интерес:

- 1) ressentiment как движущая сила в структурировании моральных ценностей (Ницше предпочитал употреблять это французское слово без перевода);
- 2) «вина» и «нечистая совесть» как интравертированный инстинкт агрессии и жестокости;
- 3) аскетизм как регенерированная воля к тотальному господству.

С учётом выделенных компонентов, отношение к феномену «ответственность» наиболее подробно и полно изложено в работах «По ту сторону добра и зла» и «К генеалогии морали». Эти тексты позволяют в полной мере понять взгляды и оценить перспективы решения интересующей нас научной проблемы в рамках экзистенциальной психологии.

По мнению самого автора, происхождение ответственности имеет длинную историю. «Дабы распорядиться будущим, человек должен был научиться сперва отделять необходимое от случайного, развить каузальное мышление, видеть и предупреждать далёкое как настоящее, с уверенностью устанавливая, что есть цель и что средство к ней, уметь вообще считать и подсчитывать – насколько должен был сам человек стать для этого прежде всего исчислимым, регулярным, необходимым, даже в собственном своём представлении, чтобы смочь наконец, как это делает обещающий, ручаться за себя как за будущность!»³.

Начатое в первой работе обсуждение двух идеализированных форм морали – господина и раба – Ф. Ницше впоследствии сопровождает детальным психологическим анализом духовного склада двух этих человеческих типов. Он пытается анализировать ценность самих моральных ценностей. «Нам необходима критика моральных ценностей, сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос», – пишет

Ницше⁴. По его мнению, следует выяснить, благоприятствует ли данная шкала ценностей тому или другому человеческому типу, той или иной форме жизни; способствует ли она появлению «более сильной разновидности индивида» или просто помогает данной группе как можно дольше поддерживать свое существование.

Неменьший интерес в контексте обсуждаемой нами проблемы представляет обращение философа к понятиям «вина» и «нечистая совесть». Исследование Ницше показывает, что чувство вины проистекало из древнейших отношений между заимодавцем и должником. Поэтому людям необходимо было создать память о долге через боль, страдание, – отсюда и обожествление жестокости. Но «суверенный индивид», «суверен» – равный лишь самому себе, ставший выше морали рабов, сам формирует свою память. Этот человек обладает собственной независимой волей, он «смеет обещать». «Свободный» человек, обладающий несокрушимой волей, располагает и собственным мерилем ценности, он сам назначает себе меру уважения и презрения к другим. Гордая осведомленность об исключительной привилегии ответственности, сознание этой редкостной свободы, этой власти над собой и судьбой становится доминирующим инстинктом. Этот инстинкт и есть совесть. Сильный человек, заключает Ницше, всегда обладал более свободными взглядами, и, вместе с тем, более спокойной совестью. Поэтому нетрудно догадаться, что изобретена «нечистая совесть» человеком *ressentiment*. Заслуга наказания состоит прежде всего в том, что оно пробуждает в виновном чувство вины, т.е., по определению Ницше, выступает инструментом душевной реакции, которая и есть «нечистая совесть». Но, как отмечает философ, наказание, наоборот, закаляет и охлаждает; оно обостряет чувство отчужденности, усиливает сопротивление. Развитие чувства вины сильнее всего было заторможено именно наказанием. Зрелищной процедурой суда преступник «лишается возможности ощутить саму предосудительность своего поступка, так как совершенно аналогичный образ действий видит он поставленным на службу правосудию, где это санкционируется и чинится без малейшего зазора совести». Проанализировав процедуры смыслов наказания, Ницше делает вывод, что, в итоге, наказанием у человека и зверя можно достичь лишь увеличения страха, изошрения ума, подавления страстей: «тем самым наказание приручает человека, но оно не делает его «лучше» – с большим правом можно было бы утверждать обратное».

Обозрев вместе с философом длинный путь происхождения ответственности, мы приходим вслед за ним к обобщению, что ответственность выступает одновременно и как маркер, и как составная часть феномена совести. Более того,

автор предлагает рассматривать ответственность и в качестве её ведущего критерия.

Однако хочется заметить, что психологическая доктрина, полагающая вину исконной и неизбежной чертой человеческого существования, не слишком оптимистична. «Я свободен» означает в то же время, что «я полностью ответственен за своё существование». Человек свободен, а значит – один ответственен за своё существование.

Особое место в осознании ответственности, безусловно, принадлежит В. Э. Франклу. Вслед за Ф.Ницше он ставит понятие «свобода» рядом с понятием «ответственность» и, как и Ницше, вводит в это феноменологическое пространство недостающее понятие «совесть», знаменующее собой «то, перед чем человек несёт ответственность», или, другими словами, «инстанцию, перед которой мы несём ответственность»⁵. Далее В.Франкл начинает уверенное самостоятельное движение в этом пространстве, создавая собственную доктрину – экзистенциальный анализ. Здесь ответственность помещена «в центр поля зрения». В своей работе «Человек в поисках смысла» Франкл так обозначил суть происходящего: «Экзистенциальный анализ, который рассматривает, что значит быть человеком с точки зрения ответственности, показывает, что ответственность эта проистекает из неповторимости личности и ситуации и что с повышением этой уникальности растёт и ответственность. Неповторимость и своеобразие являются основными составляющими смысла человеческой жизни...»⁶.

Франкл неоднократно подчеркивал содержательную разницу во взглядах экзистенциальной психологии и экзистенциального анализа на природу ответственности: «Будучи свободным, человек является существом, свободно принимающим решения. Этим мы ещё раз отмежевываемся от традиционной экзистенциалистской концепции человека как просто свободного – ведь в свободе ещё не содержится ответ, зачем она, в то время как в решении уже содержится то, за что оно и против чего: объективный мир смысла и ценностей, причем упорядоченный мир, то есть, можно сказать, космос». И далее – «ответственность принадлежит к несводимым и невыводимым феноменам человека. Более того, подобно духовности и свободе, она является первичным феноменом, а не эпифеноменом»⁷.

Для Франкла ответственность в совокупности с духовностью и свободой – «это три экзистенциала человеческого существования».

Результаты проведенного нами анализа, разумеется, не претендуют на полноту. Мы ставили перед собой более скромную задачу: представить основные традиции осознания ответственности как психологического конструкта, феномена и ноумена в рамках таких научных направлений как психоанализ, индивидуальная психология, экзистенциальная психология и экзистенциальный анализ.

Примечания

- ¹ Фрейд З. Торможение, симптом и страх. М., 2001. С. 52.
- ² Ницше Ф. К генеалогии морали. М., 2004. С. 342.
- ³ Там же.

- ⁴ Там же. С. 343.
- ⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 126.
- ⁶ Там же. С. 191.
- ⁷ Там же. С. 124.

УДК 316.6 -053.6(450+571)

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ ДЕТСКОГО БРОДЯЖНИЧЕСТВА

Т. Д. Калистратова, Р.Х. Тугушев, Т.Ф. Фарафутдинова

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: faridaff@mail.ru

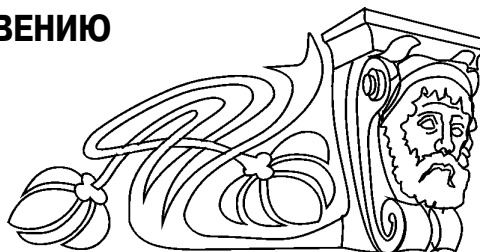
В статье проблема бродяжничества рассматривается одновременно с точки зрения истории, социологии и психологии. Авторы публикации выделяют основные этапы в отношении общества к «детям улицы». Т.Д. Калистратова, Р.Х. Тугушев и Т.Ф. Фарафутдинова рассматривают бродяжничество как результат воздействия комплекса неравнозначных внешних и внутренних факторов. Помимо социально-экономического кризиса в качестве внешних факторов рассматриваются также процессы урбанизации и глобализации общества; неблагоприятная ситуация общения со взрослыми и сверстниками. Под внутренними факторами бродяжничества понимаются не только психофизические аномалии, проявления акцентуаций характера; но и такие личностные особенности как несформированность самоидентичности и несформированность поведения привязанности.

Factors Promoting Children's Vagrancy

T.D. Kalistratova, R.H. Tugushev, T. F. Farafutdinova

The problem of vagrancy is discussed in its historical, sociological, and psychological aspects, primary stages of the social attitude to street children are resolved. Vagrancy is proposed to be considered as a result of the influence of several inequivalent external and internal factors. The processes of urbanization and globalization of our society, conflict situations in contacts with adults and coevals as well as the Russian social-economical crisis are analyzed as the external factors. The internal factors of vagrancy are not only psychophysical anomalies, accentuations of the character but also such personal peculiarities as formless self-identification and formless behavior of affection.

Проблема детского бродяжничества в России приобретает в настоящее время общественно-значимый характер. Несмотря на то, что этому вопросу уделяется определенное внимание со стороны государства (разрабатываются законодательные акты, государственные программы «Дети России», «Национальный план действия в интересах детей», «Концепция совершенствования государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»), данное явление по-прежнему остается на уровне гуманитарной катастрофы. До сих пор нет достоверных

статистических данных о масштабе детской беспризорности. По данным Минобразования России (на 2002 г.), 368 тысяч российских детей, подростков (7–17 лет) официально не посещают образовательные учреждения¹.

Для того чтобы объективно рассмотреть основные факторы современного бродяжничества детей и подростков, целесообразно отразить развитие данной проблемы в ходе истории. Следует отметить, что проблема беспризорности, безнадзорности и бродяжничества является далеко не новой для общества. Отношение к «детям улицы» претерпело ряд изменений: от милосердия и призрения через перевоспитание «морально дефективных» детей до поиска мер по оказанию комплексной (социально-психолого-медико-педагогической) помощи.

Увеличение количества беспризорных детей, нищих, бродяг наблюдалось в России и в других странах в разные исторические периоды и, как правило, эти процессы являлись следствием общественных потрясений (война 1812 г.; разорение крестьянских хозяйств после реформы 1861 г.; Октябрьский переворот и Гражданская война; голод и эпидемии 1920–1930 гг.; сталинские репрессии 1930-х гг. и Вторая мировая война).

В дореволюционной России, например, основной причиной, по которой ребенок или подросток оказывался на «улице», были так называемые объективные факторы: война, голод, эпидемии, природные катаклизмы и т.п. В большинстве случаев лишь утрата родителей и отсутствие других близких родственников превращали ребенка в беспризорника, а затем и в бродягу. Но в XIX в. детское бродяжничество было явлением довольно редким. Оставаясь без попечения родных, ребенок чаще всего попадал в монастырский приют. Еще раньше, например, в средневековье понятие «бродяга» ставилось в один ряд со словами «бездомный», «блаженный» (в значении «несущий благо»), «сирый» (одинокый, не имеющий родных), «убогий» («божий человек») и т. д. В связи с этим каждый добро-